

Марина
СЕРОВА

**БЫВШИХ
ЛЮБОВНИЦ,
*не бывает***

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Бывших любовниц не бывает

«ЭКСМО»

2014

Серова М. С.

Бывших любовниц не бывает / М. С. Серова — «Эксмо»,
2014 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

ISBN 978-5-699-70884-0

Частный детектив Татьяна Иванова расследует дело о гибели мелкого предпринимателя Никиты Говорова, сгоревшего в собственном гараже. Первым кандидатом на роль подозреваемой в убийстве является вдова — Светлана Говорова. Мать Никиты с яростью обвиняет в смерти сына невестку, но можно ли верить словам свекрови, для которой Светлана долгие годы была врагом номер один? Иванову многое смущает в этой лежащей на поверхности версии. Долгий опыт работы частным детективом подсказывает ей — не все так просто и очевидно в этом крайне запутанном деле...

ISBN 978-5-699-70884-0

© Серова М. С., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Марина Серова

БЫВШИХ ЛЮБОВНИЦ НЕ БЫВАЕТ

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

Я ехала к своей подруге, Ленке-француженке, в приподнятом настроении. Буквально час назад она позвонила мне и предложила встретиться. Так как мы давно не виделись и я в данный конкретный момент пребывала в блаженном и вполне заслуженном бездействии, я согласилась. Почему бы и нет? Все лучше, чем еще один вечер скучать дома перед «ящиком».

Моя бежевая «девятка» повернула в Ленкин двор. Я припарковалась возле солидного черного «мерса» и вышла из машины. Подругу я заметила сразу: она стояла во дворе с какой-то теткой и, казалось, внимательно слушала ее, а та что-то возмущенно говорила, держа в одной руке дамскую сумку, а в другой – носовой платок, время от времени вытирая им глаза. Я неторопливо направилась к ним.

– ...Так ведь они же ничего не делают, гады! Нет, Лен, ты только подумай: человека убили, и не просто убили – живьем сожгли! Где это видано – такое изуверство?! Его же в закрытом гробу хоронили, ну, ты помнишь, я говорила... И что? А ничего! Убийца, вон, – сволочь, мразь! – ходит как ни в чем не бывало, даже глаз не прячет. А они мне говорят: «Извините, нет доказательств!» Я им говорю: что значит – нет?! Ищите! На то вы и милиция... Или как там их теперь?.. Полиция, черт бы их побрал! Все привыкнуть не могу...

Женщина в очередной раз вытерла глаза платком. Ленка сочувственно кивала, на ее лице застыло скорбное выражение. В этот момент я подошла к ним и, извинившись перед женщиной, поздоровалась с подругой.

– А, Тань, привет...

Но Ленкина собеседница не дала нам поговорить. Не обращая на меня никакого внимания, она снова заговорила, схватив мою подругу за локоть:

– Так как же мне теперь жить, скажи мне?! Если полиция так и не найдет доказательства, – а она их точно не найдет, зачем им! – мне что, самосуд над ней устроить? Сжечь ее живьем, как она моего сыночка сожгла...

Женщина заплакала навзрыд. Я посчитала своим долгом вмешаться.

– Вот этого точно не надо! – сказала я твердо, но с участием в голосе, и посмотрела на подругу, ища у нее поддержки.

Ленка кивнула:

– Да, Вероника Станиславовна, вы уж сами, того... Ведь самосуд – дело наказуемое, вас посадить могут!

– Посадить? А что же мне тогда делать? Простить?! Как? Как забыть, Лен?! Она ведь и наследство теперь получит... Разве это справедливо?! Нет, виданное ли дело, люди добрые, – убила мужа да еще и при богатстве осталась! А ведь это он все заработал, сыночек мой! А эта тварь восемь лет дома сидела, пальцем о палец не ударила!

– Вам надо нанять частного сыщика! – нашлась вдруг Ленка и удивленно посмотрела на меня, должно быть, поразившись своей находчивости.

– Частного сыщика? Да где же его взять? – растерянно пожала плечами соседка и безнадежно махнула рукой. – Знакомых у меня нет, а незнакомым я не особо доверяю.

– Да вот же он – перед вами! Вернее, она...

Ленка указала на меня рукой.

Женщина всхлипнула и подняла на меня красные от слез глаза:

– Это правда? Вы – сыщик?

Я кивнула. Вероника Станиславовна по инерции всхлипнула вновь, нервно потеряла платочек. Лена поспешила представить нас друг другу:

– Моя подруга – детектив, юрист по образованию, между прочим, в прокуратуре работала. Она стольким людям помогла! И как раз в таких вот ситуациях, как у вас, – разрекламировала меня Ленка.

– И мне сможете помочь? – спросила женщина.

Я пожала плечами:

– Не знаю, но попробовать можно.

– А что для этого нужно?

– Для начала нам надо где-нибудь уединиться, чтобы вы могли мне рассказать все по порядку и с подробностями, а уж я решу, как вам помочь. Только... – я замаялась, выдержала многозначительную паузу, – ...мои услуги, извините, не бескорыстны. Это моя работа...

– Вы насчет денег? – женщина торопливо кивнула. – Это не проблема, не беспокойтесь, деньги у меня есть! Я ведь работаю, да и сынок мне частенько подкидывал, он ведь у меня предпринимателем был, не бедствовал. Да-а... А я его деньги почти не тратила, все откладывала... видимо, теперь и пригодятся...

Женщина снова всхлипнула, Ленка торопливо взяла ее за локоть и повела в подъезд.

– Идемте, Вероника Станиславовна, что ж мы на улице-то?.. Вон, прохожие смотрят... Мы дома обо всем поговорим...

Втроем мы вошли в прохладный полумрак подъезда, и Вероника Станиславовна достала ключи от своей квартиры. Вскоре мы сидели в уютной гостиной за столом из дуба, на котором хозяйка разложила семейные фотографии. Я тайком рассматривала женщину. Ей было за пятьдесят, точнее я не могла бы сказать, хотя смерть сына, конечно же, сказалась на ее лице: оно было бледным, под глазами виднелись синие круги. Женщина явно состарилась за последнее время. Грустные серые глаза, пепельные, явно крашенные волосы, собранные в аккуратный пучок, небольшие золотые сережки в маленьких ушах, синяя кофточка темного оттенка, строгая черная юбка – таков был портрет моей новой клиентки. Вероника Станиславовна взяла со стола одну из фотографий, протянула мне. Ее руки, с тонкими пальцами, с покрытыми светлым лаком ногтями, немного дрожали.

– Это вот Никитушка в школе, – сказала хозяйка грустным голосом, – в десятом классе. Он тогда ходил в кружок математики... Господи! Как у нее только рука поднялась?! Ведь он кормил ее!..

Женщина всхлипнула, но быстро взяла себя в руки.

– А это он в институте, – она протянула мне другую фотографию, – со своей первой девушкой, Катей. Хорошая была девушка, училась на курс ниже... Почему они расстались? Не помню... А это Никитушка в день получения диплома, видите, какое у него счастливое лицо? Он едва не вышел на «красный», совсем чуть-чуть не дотянул. Но не огорчился, сказал, что это неважно, главное – знания у него есть... Господи! Как только его угораздило жениться на этой твари?! Какие девушки за ним бегали! Одна была его начальницей, это когда он после института в одной фирме работал... Она ему названивала, а он, дурачок, выбрал эту гадину, эту подлую тварь!..

Вероника Станиславовна вновь всхлипнула, потянувшись за платочком. Ленка посмотрела на меня вопросительно, как бы спрашивая: что делать? Я незаметно махнула рукой: мол, пусть выплачется. Так и случилось: через минуту хозяйка квартиры немного успокоилась и продолжила рассказ:

– А это он с Олесей... Как ее фамилия? Помню, такая странная, не то Рудых, не то Рыжих... Они даже жили года два в гражданском браке. Я, конечно, была против: что это еще за мода такая – гражданский брак?! Ни тебе свадьбы, ни печати в паспорте! Родственники и знакомые спрашивают: ну, как, ваш-то женился? И что я могла им ответить? То ли женился, то ли нет... По-моему, это просто распушенность. А девки-то пошли – стыдоба! Пришла к

парню – и живет себе. Ни жена, ни невеста – сожительница! Нет, в наше время такого безобразия не было!

– А почему они расстались? – спросила я, рассматривая фото молодого человека.

Он был довольно симпатичным. Здесь, на этой фотографии, ему было лет двадцать – двадцать два. Высокий брюнет с открытым взглядом, в обтягивающих узкие бедра джинсах. Плечи достаточно широкие, одет со вкусом... Ничего мальчик, девчонкам такие нравятся. Рядом с ним, прижавшись к его боку и театрально выставив вперед одну ножку, стояла высокая блондинка... да, по всему видно – искусственная. Смазливая мордочка, а в общем-то, так, ничего особенного. Взгляд заносчивый, но глаза – не умные, а какие-то хитрые, что ли...

– Почему расстались – это отдельная история, – сказала устало Вероника Станиславовна, – а я уж и рада была, что они тогда не расписаны были! Выгнал Никитушка эту нахалку – и дело с концом!

– Так за что выгнал? – не унималась я, сама не зная, почему прицепилась к этой Олеся.

– За то, что она ему изменила, Никитушка мне сам рассказывал. Не могу, говорит, простить ее. И выгнал... А ведь два года вместе прожили!

– И она вот так и ушла?

– Ушла?! Да вы что?! Скажете тоже... «Ушла»! *Увели* ее, причем со скандалом.

– Что вы говорите?! И кто же скандалил?

– Так она и скандалила, Олеся эта. На весь подъезд! Уходить, видите ли, не хотела. Кричала: «Люблю! Не бросай меня, Никита! Я без тебя жить не смогу, с балкона брошусь!..» И ведь правда, рвалась к балкону, дурища. Пришлось даже милицию вызывать, они ее связали...

– Ничего себе!

– Да, Танечка, эта Олеся такой психованной оказалась, такой дурой! Никитушка месяц после этого случая в себя приходил, так переживал... Она ведь тогда кричала на весь подъезд: «Ты еще пожалеешь! Я тебе такое устрою! Тебе не жить!..»

– Ого!

– Ой, а я-то как тогда переживала! Едва с инфарктом не слегла.

– И чем дело кончилось?

– Ей тогда мелкое хулиганство оформили, оштрафовали да и отпустили. Что еще можно с такими припадочными сделать? А меня соседи еще долго расспрашивали, вот и подруга ваша в курсе... А потом, когда Никитушка стал с другой девушкой встречаться, Олеся их подкарауливала и скандалы учиняла прямо на улице. Они и расстались, Никита и его новая девушка... Я уж тревожилась о том, что эта психическая не даст ему жизни, да зря, не этого надо было бояться. Со Светкой, тварью этой, все намного хуже вышло...

– А что у них было со Светкой?

– К тому времени, когда Никитушка с ней встречаться начал, Олеся, эта придурочная, успокоилась или уехала куда-то. Черт ее знает, только в его жизни она больше не появлялась.

– Может, руки на себя наложила с горя? – несмело предположила Лена.

Вероника Станиславовна посмотрела на нее, как на психически ненормальную Олеся.

– *Такие* на себя рук не накладывают! – безапелляционно заявила она. – Такие другим жизнь отравляют. А Светка эта не только отравила жизнь моему сыну, она забрала ее!

– Так вы все-таки думаете, что это сделала Света? – спросила я.

– А кто же еще?! Она, подлая тварь, она, гадина! И к гадалке не ходить...

– А за что?

– Так ведь ясно, за что: избавиться хотела от мужа.

– Но он же ее кормил-поил?

– А она сама хотела бизнесом управлять!

– Сама?

– Ну да. Просила даже Никитушку ее управляющей поставить в его кафе. А он – ни в какую. Какой, говорил, из тебя управляющий?! Ты все дело мне развалишь, ты же не смыслишь в бизнесе!

– А она?

– Обижалась. Никитушка мне сам рассказывал, говорит, мама, из Светы такой же управляющий, как из меня – папа римский. Не шарит ведь ни в общепите, ни в бизнесе, так куда лезет?! Она у нас физик по образованию.

– А Света что?

– Ничего. Дулась на Никитушку.

– А он?

– А он ей говорил: сиди, мол, дома, твое дело – бизнесмену хороший уход обеспечивать. Чтобы я пришел с работы, а дома – чистота, порядок, уют. Чтобы щами вкусно пахло, и чтобы жена-красавица встречала меня – причесанная, отдохнувшая, свежая, а не замученная на работе.

– А Света любила все это? Ну, наводить чистоту и готовить?

– Куда там! Терпеть не могла, белоручка. А готовила так вообще из рук вон плохо, я удивляюсь, как только она не отравила моего сыночка?! Никитушка ее даже на курсы посылал.

– Какие?

– Кулинарные. Он в газете вычитал, одна фирма организовала их для жен предпринимателей, там, говорят, учили дам всякие деликатесы готовить, ну и обычную еду тоже. И еще посылала я ее на курсы кройки-шитья.

– Света шьет?

– Она?! Да она пуговицу пришить не может. И вообще, у нее руки не из того места растут. Как только Никитушку угораздило жениться на этой неряхе-неумехе?!

– Внешностью взяла, – со знанием дела кивнула Лена.

– Да, да, как говорится, не делом, а телом... А это они в Германии, в прошлом году ездили...

Вероника Станиславовна положила передо мной очередную фотографию. На меня смотрела счастливая, казалось бы, пара – молодой мужчина и молодая женщина на фоне какого-то старинного замка в готическом стиле. Здесь Никите было лет тридцать, его супруге – примерно столько же. Светлана была приятной на вид особой, не очень высокой, но стройной и одетой изысканно. Она оказалась шатенкой – копна золотистых волос обрамляла ее белокожее лицо с большими зелеными глазами. Нежный румянец покрывал скулы, носик был кокетливо вздернут, а пухлые губы тронула почти джокондовская улыбка.

– А детей, говорите, у них нет?

– Нет, – поджала губы хозяйка. – Эта безрукая ему даже ребенка не родила – за восемь лет-то лет совместной жизни!

Ого! Это они столько прожили?

– А-а... извините, причина? – спросила я.

– А это имеет какое-то значение? – удивилась женщина.

– Разумеется, нет, – поспешила я ее успокоить, – просто у меня был случай в практике, когда муж был бесплоден и не давал жене развода, а ей очень хотелось ребенка...

– И что? – заинтересовалась Вероника Станиславовна.

– Ничего. Она его убила.

– Боже мой! Из-за этого?! – женщина горестно покачала головой. – Куда катится мир!.. Нет, Никитушка мой не был бесплодным, я это точно знаю, потому что одна девушка... была от него беременна. Но это было давно.

– Не та ли самая Олеся? – предположила я.

– А вы догадливы, – женщина впервые за время нашей беседы посмотрела на меня долгим внимательным взглядом.

– Профессия обязывает... Так, говорите, они ссорились?

– О! Еще как! Эта дрянь требовала к себе внимания, много внимания, а Никита, сами понимаете, целыми днями пропадал в своих кафе. Но это же естественно! Бизнес требует много времени, это вам не работа на дядю, когда пришел домой, лег на диван и забыл, что там и как на службе... Пусть, мол, у хозяина голова болит за свое дело. Когда у Никитушки было одно кафе, это еще ничего, оно было давно «раскручено», и он хоть ночевать домой приходил, а вот когда он второе открыл... Тут уж – извините! – чуть ли не по двадцать часов в нем пропадал, не всегда получалось дома заночевать. Ну, Светка, гадина, на нем и отыгрывалась! Уж чего только сыночек мой от нее не наслушался! И на семью-то ему наплевать (это она-то – семья?!), и бабу-то он, такая-сякой, завел... Все требовала, чтобы он раньше приходил, в дорогие рестораны ее водил ужинать или, там, в ночной клуб, или на концерты, ей же не терпелось наряды свои продемонстрировать! А когда ему было по клубам ходить, скажите мне? Если он в двенадцать ночи домой придет, с ног, бедняжка, валится от усталости, до ночного ли клуба ему?! А *эта* ничего понимать не хотела, эгоистка! Свинья! Как только таких земля носит?!

– Значит, в клубы и другие увеселительные заведения, я так понимаю, Света ходила одна? – предположила я.

– С подругами или друзьями, – уточнила Вероника Станиславовна. – Никитушка мой вообще такой отдых не одобрял, считал его пустой тратой времени. Он любил делом заниматься, он у меня такой серьезный был, такой целеустремленный!

Последние слова женщина произнесла с нескрываемой гордостью за сына.

– Так если ваш сын ругался с женой... – начала было я, но хозяйка меня перебила.

– Это не он с ней, это *она с ним* ругалась, – уточнила Вероника Станиславовна и поднесла к глазам платочек.

– Пусть так, – согласилась я, – но, если даже они и ругались, это еще не значит, что она его убила.

– Почему?

– Нет мотива, извините. Неприязненные отношения – это еще не мотив. Сколько жен недовольны своими мужьями, но не убивают их.

– Нет мотива?! – возмутилась Вероника Станиславовна. – А два кафе – это не мотив?! Вы знаете, какой с них доход? А-а... А их квартира – «трешка» в центре, между прочим, шикарная, с евроремонтом, – это не мотив?! А машина Никиты – «Лексус», а его счет в банке?.. Я уж не говорю о двух гаражах, это так, мелочь. Теперь она – владелица всего этого, а главное – теперь она управляет его бизнесом, как и хотела. Ведь что после смерти Никитушки выяснилось? Что он сделал ее совладелицей своего бизнеса, да! Это ей такой подарок был – на свадьбу... Видели бы вы, как гордо она теперь ездит в его машине! А с каким видом заходит в кафе! Как же, хозяйка! Единственная хозяйка... Всех работников заставила называть себя по имени-отчеству. А кто на все это заработал, я вас спрашиваю? И на квартиру, и на машину, и на все остальное? И это, по-вашему, не мотив?!

Женщина даже покраснела от возмущения. Я подумала всего минуту, прикинула, что здесь можно сделать.

– Ну, что ж, пожалуй, я возьмусь за ваше дело, – сказала я, – моя ставка – 200 долларов в день. Вас это устроит?

– Да, конечно, я же сказала, с этим у меня проблем нет. Сыночек баловал меня, давал мне деньги, хотя я всегда была против... Ну зачем они мне? У меня зарплата есть, я няней работаю в хорошем доме. Тогда он стал покупать мне всякую домашнюю технику: кофемолку, печь СВЧ, стиральную машину, посудомоечную... А на последний мой день рождения подарил вон то чудо, – женщина кивнула на довольно-таки большой телевизор с жидкокристаллическим

экраном, стоявший у окна. – А куда мне было девать свои деньги? Я их и откладывала... Если бы он знал, на что они теперь мне пригодятся!..

– У меня еще вопрос, – сказала я, – как именно погиб ваш сын? Я понимаю, что вам очень больно, но...

– Да, конечно, я готова, – кивнула она, – для дела я готова вспомнить все с самого начала... В тот день он, как обычно, приехал домой поздно. Примерно в двенадцатом часу. Поставил машину в гараж...

– Простите, гараж далеко от его дома?

– Нет, минут пять-семь ходьбы. Там довольно большой гаражный бокс, и гаражи в основном подземные. Но его – на земле, их там немного, кажется, около двадцати. И еще строят рядом новые... Никитушка поставил машину в гараж, и в этот момент дверь заперли снаружи.

– Как именно?

– Подперли доской, подставив ее под ручку двери. Он оказался в ловушке. А потом, как следователь сказал, скорее всего, плеснули в вентиляционную трубу бензин и бросили зажженную ветошь или что-то типа того. Сами понимаете, что такое гараж – там же все в масле и бензине, все мгновенно и вспыхнуло... Разве он мог потушить огонь?! Сгорел, сгорел мой сыночек, бедный мой! Хотя и успел «спасателей» вызвать, но приехали они уже поздно...

Женщина зарыдала в голос. Мы с Ленкой сидели молча и не знали, что делать. Как можно утешить человека в такой ситуации? Но вскоре она перестала плакать, вытерла слезы и продолжила охрипшим голосом:

– Вот так я и осиротела на старости лет. Старенький «Форд» тогда тоже сгорел, а его «Лексус» в другом гараже стоял, он уцелел. Никита этот автомобиль берег: он совсем новый... Следователь меня вызвал, сказал, что уголовное дело они завели, вот только с подозреваемыми, мол, туго. Я говорю: как же туго, а жена? Я точно знаю, Светка его убила, тварь! Ну, может, не сама, да, скорее всего, не своими руками, но заказала, я уверена, она! А следователь мне говорит: кому заказала? Кому конкретно? Вы, говорит, знаете? Фамилию исполнителя можете назвать? А я отвечаю: откуда же я знаю?! Вы, говорю, полиция, вы его и ищите! А он: мол, если бы она мужа заказала, так сняла бы деньги со счета, и немалые, а за последние полгода ни она, ни ее муж со своего счета крупных сумм не снимали, он, видите ли, это проверил. И то, снимал-то всегда Никитушка. А за такую мелочовку, как пятьдесят тысяч «деревянными», говорит следователь, ни один уважающий себя киллер работать не будет. Вот на том, Танечка, все и кончилось. Получается, нет у них доказательств против моей снохи. Но я-то знаю, сердцем материнским чувствую: она это! Злыдня эта моего сыночка убила! Чтоб ей сгинуть, твари! И поэтому я прошу вас, нет, заклинаю: докажите, что это она! Помогите наказать преступницу, не дайте ей спокойно жить, пусть ее постигнет кара за то, что она сотворила! Возмездие должно свершиться! Пусть она сгниет в тюрьме! А я никаких денег на это не пожалею, надо будет – займу!

Когда я вышла от Вероники Станиславовны, в моем кошельке лежал аванс в виде нескольких купюр приличного достоинства. Таким образом, как это уже часто случалось, неожиданно-негаданно у меня появилось новое дело. Я бы, конечно, была не прочь отдохнуть пару-тройку деньков после окончания предыдущего расследования, но, раз уж так вышло, не отказываться же от нового клиента!.. Жалко только, с Леной нам в тот день так и не удалось пообщаться. С Вероникой Станиславовной мы проговорили довольно долго, а когда, закончив беседу, вышли вдвоем в подъезд, подруга извинилась, сказала, что у нее есть неотложное дело, и ушла к себе. А я, естественно, поехала домой: мне предстояло составить договор об оказании услуг частного сыщика и все хорошенько обдумать за чашечкой кофе.

Я ехала в машине и прокручивала в голове разговор с моей новой знакомой, Говоровой Вероникой Станиславовной. Итак, у нее погиб сын... Да, прямо скажем, жуткая смерть – такого и врагу не пожелаешь! Сгореть в собственном гараже... Интересно, был у него хоть малейший

шанс? Мог ли он хоть как-то выбраться? Скажем, выломать дверь гаража? Хотя о чем это я? Не было у него никакого шанса, ни малейшего! Если снаружи подпереть дверь доской, изнутри ее никакая сила не откроет, проверено! Значит, действовали наверняка и, скорее всего, не спонтанно, а с расчетом...

Дома я первым делом сварила кофе, достала из пачки сигаретку и уселась со всем этим добром в кресло. И так, на чем мы остановились, Татьяна Александровна? А, да... Действовали с расчетом... А клиентка-то моя права: женушке смерть парня выгоднее всего. Если они ругались, – а это мне еще предстоит установить, а то свекрови любят порой кое-что и приукрасить, – то, стало быть, имеет место такое чувство, как неприязнь. Я встала с дивана и достала из сумки фотографии, которые – с разрешения хозяйки, разумеется, – захватила с собой. Так-так, вот она, Светка – вкусная конфетка. Я принялась заново изучать внешность нашей подозреваемой.

Да, девушка явно не средних способностей, по всему видно. Это вам не Олеся, крашенная блондинка, заносчивая, вздорная и недалекая в смысле интеллекта. У той на лице полкило косметики, а во взгляде – заносчивость и пустота. Нет, Света – девушка с умом, вон у нее какие интересные глаза! Взгляд сосредоточенный, стрижка короткая, практически мужская, косметики – минимум. Правильно, настоящая женская красота не в длине ресниц, согнувшихся под тяжестью туши... в другую сторону. Света у нас шатенка. У нее правильные черты лица, а глаза, как я уже говорила, зеленые, почти как у меня. Губы чуть тронуты помадой светлого тона. Что там говорила про нее Вероника Станиславовна? До знакомства с Никитой Света закончила педагогический вуз и работала преподавателем физики в каком-то техникуме. После свадьбы муж настоял, чтобы она ушла с работы. Она подчинилась, но неохотно...

Я отпила еще немного кофе, смакуя его терпкий вкус. А вот я не люблю, когда мужья настаивают на том, чтобы жена уходила с работы и сидела дома. Вот что хотите со мной делайте, а это как-то неправильно, что ли. Да, именно так. Теряется принцип равноправия. По опыту знаю: женщины в таких семьях, как правило, несчастливы. Они превращаются в эдаких домашних клуш, перестают следить за собой, постепенно опускаются... Нет, не в том смысле, что начинают пить, хотя я и такие примеры знаю, а просто становятся лишними для общества. Вот, точно, хорошее слово – *лишние*, не нужные никому, кроме своих мужей-эгоистов, которые заперли их в четырех стенах, да еще и ждут, что им будут за это благодарны!

И в таком случае я Свету прекрасно понимаю: имея диплом педагога, отпахав пять лет за него в институте, она теперь сидит с этим дипломом дома и только и делает, что драит полы да варит щи. Жуть! И кому все это надо, кроме ее драгоценного супруга?! И неважно, что по документам она – соучредитель кафе, фактически Света – домохозяйка, только и всего. Но не убивать же из-за этого собственного мужа!

Я поставила пустую чашку на тумбочку и закурила. Значит, так. Первым делом мне надо встретиться со Светой. Раз она – наш главный подозреваемый и для нее смерть супруга была выгоднее всего (хотя это еще не факт!), начать надо именно с нее. Не посмотрев на эту мамзель, я не смогу судить о ней объективно. И еще: надо бы поговорить со следаком, ведущим это дело. Ну, это для нас как раз не проблема, в этом мне поможет Андрюша Мельников, мой друг и бывший одногруппник по юридическому институту. Он у нас работает в «органах», помогает мне всегда и всем, чем может, и я, разумеется, плачу ему той же монетой.

Я взяла телефон и набрала его номер.

– Андрюша! Привет, дорогой! А это я, Танюша...

– Привет. Чем порадуешь?

– У меня новое дело, – похвалилась я тоном маленькой девочки, которую угостили конфеткой.

– Кто бы сомневался! Услуги частных сыщиков в последнее время, я вижу, пользуются спросом.

– Завидуешь?

– Радуюсь за тебя.

– А-а... В таком случае, радостный ты мой, скажи: знаешь, что мне от тебя в данный момент нужно?

– А вот представь себе, знаю! Раздобыть какие-нибудь сведения, полезные для твоего дела, – в голосе моего друга слышалась усмешка. – Ну, что, мать, угадал?

– Боже мой, Андрюша! Ты действительно угадал! – делано восхитилась я. – Какой ум! Какой талант предвидения! Какие незаурядные дедуктивные способности!

– Ну, хватит, хватит, перехвалишь! Еще задохнусь от гордости. Так чем тебе помочь-то?

– Нужно узнать, Андрюшечка, всего-то-навсего, кто ведет дело по факту гибели предпринимателя Говорова Никиты Александровича, – уже спокойным тоном объяснила я. – Ну, и, по возможности, свести меня с этим следователем.

– Подожди... Говоров... Говоров... А, это тот, сгоревший недели две тому назад в своем гараже?

– Не сгорел, Андрюшечка, не сгорел, – тут же поправила я моего друга, – его сожгли!

– Да, я что-то слышал, читал сводки... Тебе повезло, мать: дело у нас, в нашем отделе.

– Я так и подумала: территориально оно должно было попасть именно к вам. Так что, со следяком познакомишь?

– Мать, разве можно тебе отказать?

– Нельзя, Андрюшечка, никак нельзя! Даже не думай отказывать мне.

– Хорошо, я разужаю, кому отдала дело, и перезвоню тебе.

– Сын мой! Ты принял верное решение! Истинно глаголю: труды твои не пропадут даром!

– Все дурачишься, мать? Конечно, тебе там весело: у тебя расследование на счету всего одно, и то оплачивается – будь здоров! А мне вот начальство только что новое дело сосватало, восьмое по очереди! Сижу, понимаешь, копаюсь...

– Смотри там, совсем не закопайся! Ты еще нам нужен.

– Да уж постараюсь.

– Вот-вот, старайся, сын мой, очень старайся!

– Ладно, мать, давай, а то мне тут некогда, правда...

– Жду звонка!

Я положила трубку. Скоро Андрей перезвонит мне и скажет, кто ведет дело Говорова, а я пока что могу и отдохнуть, все равно обдумывать мне сейчас особо нечего: сведений маловато. Я отправилась в кухню перекусить остатками вчерашнего супа...

Он перезвонил часа через полтора и сказал, что дело Никиты ведет следователь Ложкин, и при этом добавил сочувственно, что мне вообще-то не повезло.

– Почему? – сразу насторожилась я.

– Потому что старший лейтенант Ложкин Вадим Вадимович... как бы это помягче сказать? Не проявляет в делах особого рвения. Вот.

– О-о-о... – безрадостно протянула я, – кажется, мне действительно не повезло. Хотя, подожди, почему не повезло-то? Как раз очень даже повезло!

– Да? – с сомнением в голосе спросил Андрюша. – И в чем же?

– А вот в том и повезло: ваш старший лейтенант Ложкин не проявляет в делах особого рвения, а я – возьму и проявлю! И найду настоящего преступника.

– Но наше начальство вряд ли оценит твои заслуги, – предупредил мой друг. – Во всяком случае, в звании тебя точно не повысят и премию не выпишут!

– Ну, насчет звания... я уж как-нибудь переживу, будь уверен, а вот премия... Да нужна она мне, ваша премия! Думаешь, мне не хватает на проездной?

– Почему именно на проездной? – удивился Мельников.

– А что еще можно купить на вашу премию? Ну, разве что в «Пирожковую» сходить. Один раз...

– Да-а... – печально подтвердил мой друг, – у нас даже бесплатный проезд в общественном транспорте отменили...

– Бедные вы, бедные! – вздохнула я, выражая сочувствие моему другу. – Кстати, ты договорился с этим Ложкиным о randevu со мной?

– А ты в этом сомневалась?

– Ну что ты, Андрюшечка! В тебе – никогда!

Я искренне поблагодарила Мельникова, запомнила номер мобильного старшего лейтенанта Ложкина и положила трубку. Вот прямо сейчас и поговорю с этим нерадивым следователем, зачем время тянуть?

Нерадивый следователь имел приятный голос и несколько ленивую манеру речи:

– Слу-ушаю вас...

– Здравствуйте. Я – частный детектив Татьяна Иванова. Мой друг Андрей Мельников...

– Да-а, он говорил мне, я в ку-урсе.

– Скажите, Вадим Вадимович, когда вам будет удобнее встретиться со мной?

– Ну-у... где-то через час я закончу свои дела-а, и вы можете подъехать.

– А... номер вашего кабинета?

– Триста тридцать девятый.

Он отключился. Я посмотрела на часы: без двух минут пять. Значит, мне пора собираться, пока еще дотащишься по этим «пробкам»...

В Андрюшином отделении меня знали: мне не раз приходилось бывать здесь, и дежурный встретил меня как старую знакомую. Да и задерживать меня на «вертушке» было бесполезно: все равно я позвоню на мобильный Мельникову, тот перезвонит этому молодому симпатичному лейтенанту и даст команду пропустить меня.

Я зашагала по ярко освещенному коридору третьего этажа.

Кабинет Ложкина располагался неподалеку от лестницы. Я постучала в дверь и услышала ленивое: «Войди-ите».

Он сидел за большим письменным столом и неторопливо щелкал по «клаве» компьютера. Подняв на меня глаза, старший лейтенант удивленно вскинул брови. Он был молод, я бы сказала, что ему не больше лет, чем мне, – двадцать семь, от силы. Обаяние так и светило на его лице: Ложкин был приятным на вид молодым человеком, похожим на артиста Егора Бероева.

– А Мельников не сказал, что его знакомая – до о-одури красивая девушка. Вот гад!

Я немного опешила: приветствие подобного рода я слышала впервые.

– Боже, какая фигу-ура, – да вы просто модель!.. Прошу вас...

Хозяин кабинета указал мне на стул напротив его стола. Я прошла к стулу и опустилась на него.

– Андрей сказал... – начала было я, но Ложкин бесцеремонно перебил меня:

– Да бог с ним, с вашим Андреем! Вам говорили, что у вас поразительные глаза? Такой необыкновенный зеленый цвет!

Вот еще! Нет, то есть мне, конечно, говорили о моих глазах и фигуре, комплиментов выслушать мне пришлось на своем веку немало (и, скажу без ложной скромности, было за что), но этот крендель, сидевший передо мной и нагло пиливший на меня, был мне до чертиков неприятен. Такого бесцеремонного нахала я давно не встречала, тем более в органах. А его манера говорить, растягивая слова, вообще выводила меня из себя. Теперь я понимала, что значили слова Мельникова, что мне вообще-то не повезло. Но я постаралась взять себя в руки, в конце концов, от этого субъекта кое-что зависело в моей работе.

– Вадим Вадимович, – начала было я, но Ложкин снова перебил меня:

– Ну-у, что вы, Танечка! Что ж вы так официально: «Вади-им Вади-имович...» Предлагаю называть друг друга просто по имени и говорить друг другу «ты». А? Как тебе?

Прыткий малый! Вот прямо так с наскока берет быка за рога. Ну-ну...

– Вадим... – Я откашлялась, показывая, что мне вообще-то неудобно называть его просто по имени, что официоз был бы в данном случае более уместен, – вы... ты ведешь дело предпринимателя Говорова...

– Это того, которого сожгли в собственном гараже? – Ложкин рассмеялся.

Я даже растерялась: ничего себе! Что смешного в том, что человека сожгли заживо?! Чему ж тут радоваться?!

– А что, это было так весело? – не удержалась я от сарказма.

– Да мамаша его меня просто задолбала: докажите, говорит, что это сделала моя сноха, и все тут! Вот вынь да положь ей доказательства! Ну, свекрови! Нет, не зря их свекровьями называют: столько крови из человека выпить способны, гадюки!..

Интересно, откуда тебе-то это известно, подумала я. Или у тебя самого есть свекровь? А вслух сказала:

– А что, с доказательствами против снохи туго?

– Да она в то время в ночном клубе отрывалась, я все проверил. С ней друзья были – две пары, то есть четыре человека, кроме нее. И еще: они не очень-то тихо себя вели, выпили лишнего, пошумели немного... Короче, официант их тоже запомнил... Да и потом, Тань, давай откровенно: разве могла тридцатидвухлетняя телка подпереть дверь гаража доской, а потом залезть на крышу и налить в вентиляционную трубу бензин? Да, а потом еще и надо было взять какую-нибудь тряпку, намочить ее в том же бензине и бросить – зажженную! – туда же!

Я сделала вид, что слово «телка» меня не покорило. Но с доводами Ложкина я была готова согласиться. Действительно, проделать все это женщине было бы довольно-таки проблематично, хотя кто знает! В моей практике случалось всякое.

– А другие версии? – спросила я.

– Проверяем... – уклончиво ответил следователь и вновь воззрился на меня.

– Так были у Говорова другие враги? – не унималась я, не обращая внимания на его бесцеремонные взгляды. – Все-таки он – предприниматель... конкуренты и все такое...

– Проверяем, – напомнил мне Ложкин. – Но врагов у пострадавшего, по-моему, не было.

Вот как?! Не было врагов? Странно, подумала я, сейчас такое время, что даже у какой-нибудь болтливой старушки на лавочке есть свои враги: «промыла» она кому-нибудь из соседей косточки – и вот тебе, пожалуйста! А тут – предприниматель! Я с сомнением посмотрела на хозяина кабинета.

– А что ты делаешь сегодня вечером? – неожиданно спросил он, пытаясь обольстить меня своей «бероевской» улыбкой.

Ни фиги себе поворот! Я прямо опешила от такой детской непосредственности следователя.

– Вообще-то, сейчас уже вечер, – попробовала отшутиться я, – время-то – седьмой час.

– А что ты будешь делать после того, как уйдешь отсюда? – продолжал пытаться меня Ложкин.

Вот прицепился!

– После того как я отсюда уйду, я заявлюсь домой, сварю кофе и «буду думать мои мысли», как говорится в одном анекдоте, – сказала я, и это было чистой правдой, мне даже выдумывать ничего не пришлось.

– О! Ты любишь кофе! – обрадовался мой собеседник. – Хочешь, сходим куда-нибудь, попьем кофейку?

Первым моим желанием было отказать этому наглецу, причем в самой категоричной форме. Я даже открыла было рот, но тут меня осенило: если я сейчас скажу ему «нет», позже

мне очень трудно будет наладить с ним контакт. Нет, Ложкина «посылать» нельзя: без сведений, которые у него имеются, мне будет весьма сложно вести собственное расследование. А потом ведь можно не просто сходить в кафе: можно пойти в заведение покойного супруга Светланы Говоровой и заодно посмотреть, как она управляет без мужа со своим бизнесом. Как говорится, совместить приятное с полезным.

Я так и сказала Вадиму. Он выслушал меня и улыбнулся шире прежнего:

– А чё? Давай совместим...

Через пять минут мы уже ехали в моей «девяточке» в одно из заведений новоявленной бизнесвумен.

В зале было много народу, все столики оказались заняты, и мы подошли к барной стойке. Сидя на высоких никелированных стульях, мы потягивали коктейли: я – безалкогольный, Вадим – какую-то экзотическую тропиканскую смесь с небольшим количеством градусов. Играла приятная музыка в стиле блюз, и я решила воспользоваться моментом и выудить из бармена какую-нибудь полезную информацию.

– А у вас миленькое заведение, – сказала я, улыбнувшись молодому человеку в белоснежной рубашке с короткими рукавами. На его груди красовался бейджик с именем «Валерий».

Симпатичный бармен улыбнулся в ответ белозубой улыбкой:

– Мне тоже здесь нравится.

– И коктейли у вас вкусные.

– Спасибо.

– Сразу видно, у вас хороший хозяин, – продолжала я разведку.

– Хозяйка, – уточнил бармен Валерий, протирая стаканы для коктейля безукоризненно чистой салфеткой.

– М-м! И как вам ваша хозяйка? Ладите?

– А что?

– Да так, ничего, – пожала я плечами. – У меня подруга в одном кафе официанткой работает, так она говорила, что, пока у них был хозяин-мужчина, работать было вообще невозможно: к девчонкам он постоянно клеился, а зарплату зажимал. А вот когда он продал кафе и хозяйкой стала женщина, все пошло наоборот: и девчонок больше никто не трогал, и зарплата выросла.

– Ну, у нас такого не было, – живо отреагировал Валерий с гордостью в голосе, – у нас порядок всегда был, и при хозяине, и при хозяйке. И Никита хорошо дела вел, и Светлана Юрьевна... тоже молодец.

Я заметила, что после отчества – «Юрьевна» – бармен как-то запнулся.

– Это здорово, когда все хорошо. А почему хозяин-то от дел отошел? – спросила я как можно более небрежно, поигрывая розовой соломинкой в бокале.

– «Отошел»! – невесело усмехнулся молодой человек. – Отошел, да только не от дел. В мир иной он отошел, вот так-то!

– Боже мой! – округлила я глаза, играя «под дурочку». – Это он... помер, что ли?!

– Можно сказать и так...

В этот момент к стойке подошли двое молодых людей, и разговор пришлось прервать. Подошедшие заказали коктейли. Вадим повернулся и осмотрел зал.

– Вон столик освободился, – кивнул он куда-то в угол. – Тань, пойдем, закажем кофе и пирожные. Мы ведь сюда пришли именно попить кофейку.

Вскоре мы сидели за столиком почти в самом углу зала. Официантка приняла наш заказ и исчезла, а я решила возобновить прерванный в кабинете старшего лейтенанта разговор на тему: «Кто мог убить Никиту Говорова?» Я высказала предположение, что в этом деле все

ясно как божий день: его смерть выгоднее всего вдовушке. Вадим кивнул, причем как-то так... интересно, почти как дрессированная лошадь в цирке:

– Да-а, да-а, не спорю, ей это выгодно, как никому другому, но доказательств против нее, увы, нет! Не было у нее больших бабок, своих бабок, она ведь не работала, полностью зависела от мужа, так что нанять она никого не могла. А та мелочовка, что муж давал ей на продукты... Но это же несерьезно. И поверь, Танюша, я проверил это о-очень тщательно.

– Но тогда, может, у него все же были другие враги или конкуренты?

– Я тебя умоляю! Ну какие у Говорова враги? Он был спокойным безобидным парнем, наш погибший: мы опросили его соседей и знакомых, и все в один голос твердят...

– А конкуренты? – не унималась я. – Может, здесь рядом есть другие кафешки, которым мешали его заведения? Ты это проверил?

Ложкин лениво зевнул:

– Танечка, ты, скорее всего, не в курсе, но сейчас не те времена, когда конкуренты убивают друг друга. Такие вопросы уже давно решаются цивилизованно.

– Да? Как именно?

– Предприятия-конкуренты просто-напросто вы-ку-па-ют-ся. За деньги! Ферштейн?

Старший лейтенант посмотрел на меня снисходительно: мол, эх ты, деревня! Но я не сдавалась.

– Подожди, Вадим. Сам посуди: купить кафе – это не то же самое, что купить гараж там или даже машину. Это каких денег стоит! Вот эта кафешка, например, как я думаю, стоит порядка десяти миллионов.

– Сколько? – Ложкин лениво хмыкнул. – Что-то ты загнула. Десять «лимонов»!

– А сколько, по-твоему?

– Ну, может... пять? – неуверенно предположил он, подумав с минуту. – И то – вопрос.

Тут уж хмыкнула я. Правда, про себя. Как-то не очень давно я листала одну газетенку с объявлениями о продаже объектов бизнеса. Что-то не попало мне там ни одно заведение общепита за пять миллионов! Но спорить я не собиралась, в конце концов, может, я действительно просто не видела такого объявления, а оно вполне могло иметь место. Не в том суть.

– Ладно, – согласилась я, – может, оно и пять «лимонов» всего стоит, это кафе. Но скажи мне, Вадим, кто может вот так запросто вынуть такую сумму – прийти сюда и выложить ее на стол? На, мол, хозяин, заberi, только уступи твою забегаловку, нам она приглянулась.

– В мире бизнеса, Танюша, и не такое случается. Люди и десять, и двадцать «лимонов» кидают шутя, да и гораздо больше! Это мы с тобой – люди, далекие от подобных вещей...

– Подожди, Вадим, – перебила я его в нетерпении, – речь не о том! Я хочу сказать, что, может, и были такие люди, имеющие возможность купить бизнес Говорова, но вот соглашался ли он продать его? Может, ему очень нравилось, что у него такие милые кафешки, приносящие неплохой доход, а? Смотри, сколько здесь людей! И все что-то жуют, и что-то пьют, и – платят, платят... А в Никитины карманы текли доходы. Зачем же ему продавать курицу, несущую золотые яйца?

В этот момент официантка принесла наш заказ и, пожелав приятного аппетита, удалилась.

– У погибшего, как ни странно, не было проблем с конкурентами, – выдал Вадим, пригубив чашечку кофе.

– Но тогда кто же убил его? – чуть не закричала я.

– Скорее всего, хулиганы...

Хулиганы?! Я посмотрела на старшего лейтенанта с недоумением. Он что, шутит? Вообще-то, нет, на Петросяна он мало похож.

– Ты хочешь сказать, что в тот день, вернее, уже ночью, мимо гаражей просто шли какие-то подростки, которым совершенно нечем было заняться, и они – именно от нечего делать, из хулиганских, так сказать, побуждений – взяли да и подожгли гараж?

– Да, именно это я и хочу сказать.

Я смотрела в спокойные, ясные, чистые глаза старшего лейтенанта – и не верила своим ушам.

– Что, удивляешься? – усмехнулся он. – А вот у нас недавно был почти такой же случай...

Он начал что-то рассказывать мне о каких-то хулиганах-наркоманах, убивших прохожего ни за что ни про что. Просто они от полноты чувств пнули ногой щенка, а нехороший дяденька взял да и сделал им замечание. Как же можно было стерпеть такое?! Чувство благородного негодования захлестнуло умы подростков, и что бы вы думали? Они забили дядечку ногами. До смерти. Самому старшему из них было всего шестнадцать лет... Жуть, согласилась я. Вот так и подумаешь в другой раз, делать ли замечания распоясавшимся хулиганам? Но у нас-то несколько иной случай все же. Говоров не делал никому никаких замечаний, он вообще не вступал ни с кем в конфликт, а просто так взял да и поджег гараж, да нет, не просто гараж – человека в гараже... Нет, что-то не верится мне, что это сделали обыкновенные хулиганы. Но мой собеседник был неумолим, он с упорством продолжал доказывать мне случайность этого преступления.

– Хорошо, – я сделала вид, что согласилась с его доводами, – допустим, это сделали простые хулиганы. Ты ищешь их?

– А ты как думала?! Ищем, разумеется...

Тут мне в голову пришла светлая мысль:

– Ну, отпечатки-то на двери гаража, надеюсь, обнаружили?

Следователь посмотрел на меня долгим изучающим взглядом.

– Не наде-е-йся, – ответил наконец мой оппонент, до крайности растянув слово «надейся», отчего меня даже покорило. – Никаких отпечатков! Замок, дверь – все чистое.

Я усмехнулась:

– И ты еще будешь меня уверять, что это «обыкновенные хулиганы»?

Вадим удивленно вскинул брови.

– Если действительно это сделали хулиганы, – объяснила я, – то, согласись, взбесились они спонтанно и никаких перчаток с собой на дело не должны были брать. Тогда у вас должны быть отпечатки их пальчиков, а таковых нет!

– А они их стерли! – заверил меня следователь.

– Ты это своими глазами видел? Что написано в заключении эксперта? Есть на ручке двери ворсинки ткани?

Вадим задумчиво пожевал губами:

– Ка-ажется, не-ет...

– Значит, никто ничего не стирал. Преступник был в резиновых перчатках.

– Ты это сама видела? – съехидничал мой оппонент.

– Считаю, что так и было. А вообще, если хочешь, могу поспорить.

– На что?

– Если окажется, что на двери нет ворсинок ткани, ты даешь мне почитать материалы дела. Ну, как?

Ложкин снова пожевал губами, откусил кусочек пирожного.

– Надо подумать, – ответил он несколько недовольным тоном.

Глава 2

И тут я увидела, как в зале появилась Светлана. Я узнала ее сразу, она была очень похожа на свои фотографии, которые показывала мне ее свекровь, Вероника Станиславовна. Парочку снимков я прихватила с собой домой.

Света вошла в зал походкой деловой женщины. Она была одета в строгий голубой костюм из легкой летней ткани, в руках держала белую сумку в цвет белым туфлям на высоком каблуке. Прическа мадам Говоровой просто кричала о том, что ее только что сотворил мастер-кутюрье в дорогом салоне, украшения – серьги и бусы из камня синего цвета – как нельзя лучше гармонировали с голубой тканью костюма. Окинув зал быстрым цепким взглядом, Света прищурилась, небрежно кивнула бармену и, развернувшись, скрылась в небольшом холле, отделявшем обеденный зал от входа.

– Видала? – спросил меня Вадим. – Новая хозяйка!

– Да, новая метла... Хорошо бы поговорить с ней.

– Поговори, поговори, – усмехнулся следователь.

– А что, и поговорю! Компанию мне составить не хочешь?

Вадим посмотрел на меня с недоумением:

– Ты думаешь, я не говорил? Ну, то есть не допрашивал ее?

В этот момент к нам подошла официантка, поинтересовалась, не желаем ли мы что-нибудь еще, и, приняв заказ на ягодный десерт, незаметно испарилась.

– Ну, если ты уже беседовал с нашей подозреваемой, – сказала я, – можешь пока наслаждаться пирожными, а я, пожалуй, прогуляюсь.

Я вытерла рот салфеткой, встала из-за стола и вышла в холл. В нем было несколько дверей. Я взялась за ручку той, на которой было написано «Служебное помещение», и дернула ее. За дверью оказался небольшой тамбур, там располагались еще три двери. «Директор» – красовалась на одной из них табличка с золотыми буквами. Ага, это то, что мне нужно.

Светлана подняла голову и посмотрела на меня изучающим взглядом. Кабинет ее был не особенно большим, но шикарным: супермодный стол с компьютером и крутящимся красным кожаным креслом возле него, два больших глубоких кресла – черные – напротив стола, тумба с телевизором и стопкой разноцветных папок. Окно было закрыто голубыми – в тон ее костюма – жалюзи, над ними белел кондиционер. Откуда-то доносилась приятная музыка.

– Вам чего? – холодно и не особенно дружелюбно осведомилась мадам Говорова, взглянув на меня исподлобья.

А она не очень-то вежлива! Или смерть мужа на нее так подействовала? Однако пора нам познакомиться, а заодно и преподать урок хороших манер этой фифе.

– Здравствуйте, – для начала сказала я.

Она посмотрела на меня удивленно, словно впервые услышала это слово, но тем не менее не удосужилась ответить на мое приветствие. Да, похоже, у дамочки проблемы с общением.

– Я тут решила перекусить в вашем кафе...

– Вас что, плохо обслужили? Или обсчитали? – перебила меня хозяйка кабинета.

Да, хорошим манерам в детстве ее, похоже, не учили.

– Насчет последнего ничего утверждать не могу, я еще не платила за свой заказ, – как можно более вежливо ответила я, – а обслуживание у вас – просто высший класс! Здесь претензий у меня нет.

– Все претензии – менеджеру, официанты его для вас пригласят, – отрезала дамочка, похоже, среагировав только на слово «претензии».

Кажется, мне пора представиться. Но едва я открыла рот, как вдруг в кабинет вбежала, нет, просто ворвалась женщина – не очень молодая, лет сорока трех – сорока пяти, в бежевом

брючном костюме, с растрепавшимися волосами. Она была чем-то сильно возбуждена, на ее щеках пятнами рдел румянец.

– Светлана! Э-э... Светлана Юрьевна! Вы что, меня увольняете?!

Мне показалось, что женщина была на грани истерики. Мадам Говорова недовольно поморщилась и покосилась на меня, видно было, что ей очень не хочется устраивать корпоративные разборки в присутствии постороннего человека.

– Лариса, зайди попозже, – тихо, но твердо сказала она.

– Попозже?! Так я уволена или нет? Бухгалтерша сейчас выдала мне такое!..

– Я же сказала, зайди позже! – практически рывкнула хозяйка на эту даму.

Та, как мне показалось, всхлипнув, выскочила за дверь.

– Так я не поняла, что вы хотели? – вновь воззрившись на меня, спросила Светлана, всем своим видом давая понять, что я отнимаю у нее драгоценное время и вообще я тут лишняя.

– Я – частный детектив Татьяна Иванова, – представилась я наконец, протянув хозяйке кабинета удостоверение.

Та взяла его, изобразив на лице явное удивление, бегло прочитала и вернула мне.

– И что с того? Скидок частным сыщикам мы не делаем...

– Меня наняла ваша свекровь, Вероника Станиславовна...

– Ах, вот оно что! – усмехнулась Света, сощулив глаза, и откинулась на спинку кресла.

– Может быть, вы все-таки предложите мне присесть?

– Вы что, хотите меня допросить?

– Допрашивают в полиции, а я могу только предложить вам побеседовать со мной, – уточнила я.

– Но, насколько мне известно, я могу и отказаться от этой беседы, – она с нажимом выделила слово «беседа», а я все еще оставалась стоять.

Интересно, ей что, нравится, когда перед ней торчат, вытянувшись в струнку, как перед большим начальником? При этом она сидит в своем кресле, как какой-нибудь министр, поигрывая дорогой красивой ручкой.

– Да, вы можете отказаться, – подтвердила я, – но я не советую вам делать этого.

Последнюю фразу я произнесла таким тоном, чтобы эта заносчивая фифа наконец поняла: ей все-таки лучше поговорить со мной. Иначе...

– Вы что, угрожаете мне? – вскинула она красивые, аккуратно подведенные брови.

– Боже сохрани! Просто всегда лучше поговорить с частным сыщиком, чем, например, давать показания следователю.

– Что ж, садитесь, – едва заметно усмехнувшись, Света кивнула на одно из кресел, стоявших напротив ее стола, – хотя дать показания следователю мне уже посчастливилось.

Я опустила на мягкое сиденье.

– Я даже знаю, о чем пойдет разговор, – улыбнулась она. – О моем покойном муже, не так ли?

Я кивнула.

– Она сказала вам, что это я убила его, что я – такая-сякая тварь, недостойная ее мальчика... Ну, в общем, понятно.

– Вероника Станиславовна действительно наняла меня расследовать убийство ее сына. И вы правы, она считает, что это сделали вы...

Света перебила меня:

– Да кто бы сомневался! Я убила! Нет, мне это нравится! А то, что я, такая молодая, осталась без мужа, без сильного плеча, без кормильца, без поддержки...

– Но ведь вы с ним, насколько мне известно, ругались...

Она вновь перебила меня:

– Ругались?! Вот наглая баба! Нет, так врать, так подло оболгать меня!.. Мерзавка! Старая маразматичка! Я восемь лет прожила с ее сыном, а она... Неблагодарная тварь! Я ему стирала, готовила, гладила рубашки, вылизывала все в доме, наводила чистоту... Вы не представляете, как он любил чистоту!.. «Ругались»! Это ложь, слышите! Все, что наговорила вам эта старая идиотка, – ложь! Мы с Никитой любили друг друга, иначе, сами понимаете, не прожили бы столько лет вместе. Как вы думаете, что ему стоило развестись, если бы его что-то не устраивало? Сейчас, вон, некоторые богатенькие чуть ли не каждый год меняют жен – даже чаще, чем перчатки. А мы с Никитой жили нормально. И не ругались, а так, спорили иногда, но это в каждой семье бывает. Вы знаете такие семьи, где все идет гладко, где муж и жена не спорят о всяческих житейских мелочах?

Я кивнула, давая понять, что согласна с ее доводами.

– А вот говорят, что вы сами хотели бизнесом заниматься?

– Это, разумеется, вам тоже сказала моя свекровушка? Ну, хотела, и что?

– А ваш муж как к этому относился?

– Да никак! Ну, хотела, ну, побеседовала с ним пару раз на эту тему. Он отмахнулся: сейчас, мол, некогда, кафе раскручивать надо, сами понимаете, новое заведение, это много сил и времени требует. А вот когда, говорил, раскручу его, налажу там все, свободного времени будет, мол, у меня побольше, тогда научу тебя, будешь там управляющей.

– Вот как? Он хотел сделать вас управляющей?

– А вы что думали? Знаете, как трудно одному за всем уследить? Я это по себе поняла. Сейчас лично во все вникаю – господи, просто голова идет кругом! Как он, бедненький, мог один со всем этим справиться?!

– А нанять опытного управляющего, или помощника, или зама он не хотел?

– Управляющего? Да вы что? Скажете тоже... Чтобы он все здесь разворовал? Нет, Никита говорил, что он никому не доверяет, что надо все делать самому... Ну, то есть самим... Да, он обязательно приобщил бы меня к бизнесу, сколько раз жаловался, что трудно ему одному, заматался он совсем. У него ведь были наполеоновские планы: он хотел еще и склад открыть. Говорил, очень это прибыльное дело! А еще – мойку завести хотел... Я имею в виду – мойку для машин... Разве он один все это потянул бы? А у меня как-никак высшее техническое образование... Да и потом, жена у мужа воровать не будет, семейный бизнес тем и хорош, что денежки в один карман текут, дело-то общее.

Я кивнула:

– А пока что он на курсы вас посылал.

– Курсы? Какие курсы?

– Кулинарные и кройки-шитья.

– Это вам тоже моя свекровушка напела? Такое ощущение, что она жила в нашем доме! Или у замочной скважины день и ночь торчала, подслушивала. Нет, она правда маразматичка. Я давно поняла: по ней психушка плачет. Вы ее больше слушайте, она вам еще и не такое наплет!

– То есть на курсы муж вас не посылал?

– Он не посылал, я сама записалась, слышите: сама! Чтобы уметь хорошо готовить и шить. Мало ли, в хозяйстве всякое умение пригодится. Я даже однажды блузку себе сшила. Сама!

В голосе Светы прозвучала такая неподдельная гордость!

– Блузка – это хорошо, – согласилась я. – И вообще, отлично это, когда в доме есть хорошая хозяйка, когда там царит чистота, порядок и уют, а она и сготовит, и...

– Это вы к чему? – насторожилась дамочка. Брови ее поползли к переносице.

– Да так... Я вот, к примеру, терпеть не могу готовить и шить. Просто ненавижу! У меня, верите, даже иголки в доме нет, а если что-то порвется, я сразу к портнихе бегу. А готовлю только полуфабрикаты.

Света посмотрела на меня с каким-то сочувствием, как бы говоря: я тебя так понимаю! Но вслух ничего не сказала.

– Извините, а почему у вас детей не было? – осмелилась я задать новый вопрос.

– Детей? – искренне удивилась она. – А при чем тут дети?

– Ни при чем, абсолютно ни при чем. Просто я подумала: вы восемь лет были женаты, срок-то немаленький, а вот детишками не обзавелись. Одна моя подруга ровно через пять месяцев после свадьбы родила, а теперь второго ждет, а ведь всего два года, как они поженились.

– А мы с детьми не торопились. Да. Мы к этому вопросу серьезно подходили, решили сначала друг к другу присмотреться, а то, вон, некоторые поженятся, детей настругают целую кучу, а потом по судам бегают, этих детей и имущество делят, спектакли перед судьями устраивают. Нет, мы хотели все как следует обдумать, просчитать... Да и потом, как бы я и детей, и дом тянула? Муж целыми днями в делах, а мне одной этот воз тянуть – извините! Я – женщина, а не ломовая лошадь.

Света презрительно скривила губки, погладила крупные бусины, украшавшие ее шею.

– Но ведь можно было бы няню нанять или домработницу. Вам в помощь. В конце концов, у вас есть свекровь – профессиональный воспитатель, которая, думаю, просто спала и видела внуков...

– Да, мы об этом, представьте, думали. Но уж так получилось: не успели... Если бы мужа не убили, со временем, я думаю, даже очень скоро, мы обязательно завели бы ребенка.

Она грустно вздохнула, всем своим видом давая мне понять: она очень сожалеет о том, что нет у нее детей. Однако что-то говорило мне, что это ложь. Вздох вздохом, а в глазах ее не было печали.

– То есть вы все-таки планировали иметь детей?

– Ну, разумеется! Как же без детей?... У вас еще есть вопросы? – неожиданно холодным тоном спросила Света. – А то у меня дел непростор, мне еще кучу звонков надо сделать.

– Вопросы? Да, я вот что еще хотела спросить: как вы думаете, кто убил вашего мужа?

Она посмотрела на меня как на ненормальную:

– А я откуда знаю?! Нет, мне это нравится: я должна знать убийцу! Да если бы знала, этот подонок, эта мразь давно сидела бы в СИЗО, или как там теперь это называется.

– Ну а все-таки? Никого не подозреваете? Ведь вы были его самым близким человеком.

– Нет, никого я не подозреваю. Но думаю, что это сделал какой-то сумасшедший, – вновь нахмурила бровки Света.

– Почему сумасшедший? – искренне удивилась я такому неожиданному предположению.

– Ну как почему? Вот так взять – и ни с того ни с сего сжечь человека! Идиотизм.

– Ни с того ни с сего? А если у кого-то был мотив? – продолжала настаивать я.

– Господи! Да что вы от меня-то хотите?! Ну, может, и был у кого-то мотив, я-то откуда об этом знаю?! Одно могу сказать: характер у моего мужа был ангельским, он, насколько мне известно, никогда ни с кем не ссорился. За что его убивать?

– А конкуренты?

– Конкуренты? Ну-у... Я не знаю, может, у него и были стычки с конкурентами, но мне об этом ничего не известно. Но уверяю вас: если бы было что-то серьезное, он обязательно поделился бы со мной.

И мне даже хочется в это верить, подумала я. А вслух сказала:

– Ну, что ж, пожалуй, у меня вопросов больше нет.

Я встала.

– Вот и хорошо, – почти радостно выдохнула она, – а то мне еще кучу звонков надо сделать... Бизнес – такое дело: он безделья не терпит.

Я направилась к двери.

– Скажите, – я вдруг резко повернулась к Свете, – а в тот день, вернее, ночь, когда ваш муж... ну, когда случилось несчастье, где вы были?

Казалось, мой вопрос вывел ее из себя.

– Господи! Где я была?! Полиция меня об этом все спрашивала-спрашивала, теперь вы о том же! – сорвалась на крик Света. – В клубе я была, ясно вам? В ночном клубе! И у меня, к вашему сведению, свидетели имеются. Меня друзья в клуб пригласили, две пары моих друзей. Только я одна и была, потому что мой муж в тот день допоздна работал. Ясно?

– Ясно, чего ж тут неясного. А телефончики друзей можно? – тихо и спокойно спросила я и достала мобильник.

– Какие телефончики? – опешила Света.

– Номера телефонов этих ваших друзей, с которыми вы в клубе были.

– А вам-то зачем? Я в полиции уже все сведения дала.

– Так то – полиция. Мне бы тоже с этими людьми поговорить...

Света взорвалась:

– Что? И вы будете их доставать?! Они, между прочим, серьезные деловые люди, они не в бирюльки играют, у них тоже бизнес! Все, ваше время вышло, всего доброго!

Я так поняла, что этими словами Света выставляет меня из своего кабинета. Я попрощалась с ней и закрыла за собой дверь.

«Так-так, – думала я, шагая в обеденный зал, где меня ждал Вадим. – А дамочке-то явно не понравились мои вопросы! Надо будет дома все это хорошенько обдумать».

Вадим сидел за столом в гордом одиночестве и скучал. Перед ним стояли пустые чашки и тарелочка с крошками от пирожных и десерта: он съел и выпил все, и свой заказ, и мой. Беденький, это он наверняка от тоски по мне.

– Ну, что, как тебе беседа с подозреваемой? – ехидно спросил Ложкин, едва я опустилась на свой стул.

Я многозначительно посмотрела на пустые чашки, давая понять, что вообще-то тоже была бы не прочь выпить кофе, но старший лейтенант не заметил моего горестного взгляда. Или сделал вид, что не заметил.

– Подозрительная дамочка, и мотив у нее – ого-го!

– Мотив у нее есть, не спорю, но возможность... Не могла она мужа заказать, не могла, – вновь стоял на своем Вадим. – Я же говорил: своих денег у нее не было, а нанять киллера за «десятку» (допускаю, что такая сумма на руках у нее могла быть), извини, это нереально.

– Иногда и за две тысячи убивают, не то что за десять, – возразила я, – могу привести пример из собственной практики. Один конченный алкаш...

Но мой собеседник беспардонно перебил меня:

– Прими-ер? Ой, я тебя умоля-яю! Я тебе тоже столько примеров могу привести! У меня такой опыт розыскной работы!.. В смысле розыска убийц и раскрытия особо опасных преступлений! А эта Светлана... нет, конечно, ей, как никому другому, выгодно, здесь я согласен, но возможности... Танечка, возможности нельзя сбрасывать со счета.

– Вадим, а ты заметил, что бармен называл Никиту просто по имени, а хозяйку – по имени-отчеству?

– Заметил.

– И когда он говорил про Светлану, как-то запнулся...

– Заметил.

– А почему, как ты думаешь?

– Откуда я знаю? Делать мне больше нечего, как эти ребусы разгадывать! Не о том ты думаешь, Танечка. Поверь мне, опытному следователю: фигня все это. Я в смысле того, как бармен хозяйку называет.

– Да? А что – не фигня?

– Убийцу искать надо, вот что главное! – назидательно выдал старший лейтенант.

– Да ты что?! – «изумилась» я. – А я-то, недотепа, думала, чем бы мне заняться в ближайшую неделю! Спасибо, что подсказал.

– Во-от, – протянул Вадим, подняв указательный палец к потолку. Сарказма в моем голосе он, естественно, не уловил. – Хорошего наставника тебе не хватает. Опытного... Кстати, по-моему, нам надо расплатиться и двигаться отсюда. Кофе мы уже выпили... Я пока в туалет загляну... Короче, встретимся на крыльце.

С этими словами Вадим быстро поднялся и направился к выходу. Мне ничего иного не оставалось, как расплатиться с официанткой и освободить столик. Мой кавалер ждал меня на крыльце.

– Танечка! Как насчет того, чтобы я проводил тебя до дома?

– Спасибо, я и сама дорогу знаю, – не особенно любезно ответила я, все еще злясь на Ложкина.

– Но со мной-то дорога веселее будет, а?.. Кстати, ты, надеюсь, живешь одна?

– Зря надеешься. С мужем.

– С му-у-ужем?! Н-да... Ты меня разочаровала, с мужем, это, конечно, не очень... Что ж меня Мельников не предупредил?.. И что, сейчас он дома, твой муж? Не в командировке, не на работе?

– Дома, – отрезала я, направляясь к своей машине, ожидавшей меня на стоянке рядом с кафе.

Ложкин бросился догонять меня.

– Печально, – вздохнул он на ходу, но тут же встрепенулся, – а может, скажешь ему, что у тебя срочное задание? Что тебе надо последить за преступником и ночевать ты не придешь?

– Да? И где же я, по-твоему, буду ночевать?

– А тут недалеко есть маленькая, но очень уютная гостиница... Недорогие номера...

– Терпеть не могу гостиниц! – фыркнула я. – Тем более дешевых.

Я сняла машину с сигнализации и взялась за ручку дверцы.

– Не провожай меня, Вадик: у меня муж ревнивый, к тому же он мастер спорта по дзюдо. И спасибо за кофе, – с издевкой добавила я, садясь за руль.

– Да пожалуйста, – пробормотал растерянно старший лейтенант, отходя от машины.

– Иди ищи хулиганов, убивших Говорова! – крикнула я в открытое окно и быстро выжала сцепление.

Дома я первым делом включила кофеварку. Если уж не довелось мне попить хорошего кофейку в приличном заведении, так и быть, попью его дома. Вскоре я сидела на диване с чашкой дымящегося напитка и зажженной сигареткой и пыталась переварить в голове все, что мне удалось узнать сегодня, в первый день моего расследования.

Итак. Мой друг Андрюша был прав: следователь, ведущий дело Говорова, субъект весьма нерадивый, хотя и похож на артиста Егора Бероева. Такое впечатление, что ему расследование на фиг не нужно, он для себя уже все решил: вдова – не при делах, и он ищет каких-то мистических хулиганов. Если ищет, в чем я лично сомневаюсь. К тому же он жуткий жмот, халявщик (сходил в кафе за мой счет!) и вообще придурок. Это же надо – пытаться затащить девушку в гостиницу на ночь в первый вечер знакомства! Идиот. Как только таких в органах держат?! Впрочем, мне на него чихать, моя задача – найти убийцу Никиты Говорова или человека, заказавшего это преступление. Заказавшего... Да, все это похоже на классическую «зака-

зуху», хотя Ложкин и уверял меня, что убили бизнесмена уличные хулиганы, а вдова – что это сделал некий сумасшедший. Но что-то непохоже, чтобы душевно нездоровый человек зачем-то, прогуливаясь ночью у гаражей, взял да и поджег первый попавшийся бокс. Так, от нечего делать, для развлечения.

Я отпила еще немного кофе, затянулась сигареткой. Так-так... На повестке дня у нас – первый подозреваемый, которого мне сегодня посчастливилось лицезреть воочию: вдова. Вдова, вдова, запасай дрова... А что дала нам первая беседа со Светой, а, Татьяна Александровна? А дала она нам вот что: у меня сложилось впечатление, что эта мадам не особенно убита горем. То есть, конечно, она не выглядит веселой и беспечной: анекдотов не травила и в пляс не пускалась, но и черных кругов под глазами и бледности лица я у нее что-то не отметила. Одета модно, причем не в траур, плюс – прическа, макияж... Конечно, можно объяснить это тем, что у нее бизнес, партнеры, ей марку надо держать и все такое... Но буквально через две недели после смерти мужа – страшной смерти! – выглядеть так, словно ты идешь на прием во французское посольство...

Ладно, оставим внешний вид нашей дамочки целиком и полностью на ее совести и рассмотрим ее поведение. Углубимся, так сказать, в ее сущность.

Нет, не понравилась мне Света, вот как хотите, а что-то в ней меня настораживало. Помню, как-то давно моя соседка похоронила мужа, примерно в таком же возрасте, так она полгода практически из дома не выходила, все плакала, по своему благоверному убивалась. И долго одевалась во все черное и выглядела так, словно перенесла тяжелейшую операцию. Подруги теребили ее, стараясь возвратить женщину к жизни. Разумеется, не все способны так переживать личное горе, но вот Свету, к примеру, и теребить не надо, она и так выглядит, словно с курорта вчера приехала. А что это значит, Татьяна Александровна? А это значит, что мне придется Светочку разрабатывать, следить за ней, шерстить ее окружение. Вполне возможно, что моя заказчица права и эта дамочка заказала мужа – в счет будущего наследства. А что? Сейчас-то у нее открыт доступ к деньгам, она могла расплатиться с исполнителем именно теперь.

И еще, мне не понравилось обращение Светы с некой Ларисой, ворвавшейся в ее кабинет во время нашего разговора. Нехорошо Света обошлась с Ларой, накричала на нее, тыкала ей, хотя та старше Светланы лет на десять, думаю, даже больше, говорила хозяйке «вы».

Надо завтра прямо с утра поехать в кафе, найти там эту тетку и поговорить с ней. Женщина, кажется, сильно обижена на новую хозяйку, наверняка выложит в сердцах что-нибудь стоящее. А пока – позвоню-ка я моему другу, Мельникову, и поблагодарю за то, что он свел меня со следователем. Заодно и поблагодарю его, что не очень-то ценные сведения выдал мне старший лейтенант. Я потянулась за трубкой.

– Андрюша? Не спишь?

– Как видишь. Вернее, именно так и слышишь. Ну, что там у тебя?

– Хотела поблагодарить тебя за знакомство с господином Ложкиным.

– И как он тебе? – в голосе моего друга послышалась усмешка.

– Боюсь ошибиться, но, по-моему, он практически не занимается делом погибшего Говорова. Решил, что убили Никиту какие-то мистические хулиганы, хотя там явно не все так просто. А когда я спросила, ищет ли он этих хулиганов, твой Ложкин нехотя ответил: мол, разумеется, ищет, но при этом весь его вид говорил о том, что в этом деле он едва ли шевелит пальцем.

– Угадала, мать. Ложкин наш – обыкновенный сачок.

– А почему же он не торопится дело раскрывать?! – возмутилась я. – Ему по шапке не дадут за это?

– А оно ему надо? У него родной дядя в органах – высоко сидит, далеко глядит...

– Понятно, – вздохнула я обреченно, – значит, реальной помощи от него не жди.

– Ну, не все так страшно, – поспешил успокоить меня Андрюша. – Если хочешь получить от него хоть какую-то помощь, познакомься с ним поближе.

– Что?! – возмутилась я. – Поближе?! Это в каком же смысле, Мельников?

– Да ты чего кипятишься-то, Тань? Я ничего плохого не имел в виду...

– А ты знаешь, что твой Ложкин пытался затащить меня в какую-то дешевую гостиницу? А перед этим перекусил в кафе за мой счет! Ты что, прикажешь мне спать с этим уродом за какие-то сведения, причем еще неизвестно, получу ли я их от него или нет?

– Остынь, мать. Хочешь совет?

– Надеюсь, бесплатный, – съязвила я.

– Абсолютно. Намекни этому придурку, что тебе удалось кое-что раскопать и твои сведения для следствия очень ценны.

– Со временем так и будет, – уверила я моего друга, – сведения-то я накопаю, целый огород, можешь не сомневаться.

– Вот! Если он узнает, что ты кое-что нарыла такое, чего нет у него, он тоже начнет выдавать тебе ценную информацию. Ложкин страшно ленив, добывать данные ему ох как не хочется! Он любит прохлаждаться в кабинете...

– Как же он дела сдает? – удивилась я.

– Чаще всего за него работают другие... Да и потом, ему не делают выговоров, он же у нас – протеже высокой персоны, он здесь временно, ждет повышения.

– Небось побежит наверх по служебной лестнице семимильными шагами.

– Да, думаю, он уже и штаны себе крепкие прикупил, чтоб не порвались от бега. Это тем, кто работает, думать о повышении некогда: мы все в делах, а такие, как Ложкин... Говорят, дядя его – генерал у нас в органах, папа – известный адвокат, мама – нотариус или типа того... Старшей его сестры муж – крупный бизнесмен...

– Понятненько. Значит, ваш Ложкин родился с серебряной ложкой во рту, кажется, так про таких говорят.

– Этот, наверное, родился с золотой, – буркнул Мельников.

– Скорее всего... Ладно, Андрюша. Спасибо за ценный совет, я обязательно воспользуюсь им.

– А водить Вадика по кафешкам, боюсь, тебе все-таки придется: он это дело любит, при этом платить – никогда!

– Да уж, нечего сказать, повезло мне, – проворчала я.

– Это не повод, чтобы впадать в черную хандру, мать, помни о том, что Ложкин в твоей жизни – явление временное.

– И это успокаивает. Ладно, Андрюша, время позднее, а тебе, я знаю, рано вставать. Спокойной ночи!

– И тебе...

Я положила трубку и вернулась к своим мыслям. Так, что мне еще предстоит сделать, кроме беседы с Ларисой? Надо бы найти подруг Светы, возможно, расскажут о ней что-нибудь интересное. Подруги (по опыту знаю) – носители ценной информации. Кто мне в этом поможет? Ложкин? Вряд ли. Он-то Свету не подозревает, ему ее подруги на фиг сдались. А вот свекровь... Да, клиентка могла что-то о них знать. Позвоню-ка я ей завтра, расспрошу насчет подруг Светланы.

А теперь – спать, время действительно позднее, пора дать своим мозговым извилинам и организму в целом заслуженный отдых.

Утром я проснулась в половине девятого и ощутила, что отлично отдохнула за ночь и голова у меня свежая. Быстренько размявшись с гантелями, я приняла контрастный душ и отправилась в кухню. Намазывая масло на хлеб, я продолжала думать о новом деле. Интуиция

подсказывала мне, что обязательно надо найти женщину из кафе по имени Лариса. Причем срочно, прямо с утра...

Через четверть часа я уже натягивала джинсы и майку, а еще через пять минут садилась в свою «девяточку», чтобы отправиться в кафе, где мы с Ложкиным вчера пили кофе. Вернее, пил его только Ложкин, но это, в общем-то, неважно. Не думаю, что новая хозяйка заявится на работу с утра пораньше, так что у меня есть шанс застать там ее работников одних. Эх, зря я не познакомилась с Ларисой еще вчера! Вдруг Светлана ее действительно уволила и она больше не придет на работу? Тогда мне предстоит ее разыскивать, а это, что ни говори, – потерянное время.

Но я напрасно волновалась: Лариса встретила меня в дверях. Она пулей вылетела на крыльцо, короткие светлые волосы ее были растрепаны сильнее вчерашнего, мокрые глаза покраснели, а щеки рдели, как спелые помидоры. Мы столкнулись, она автоматически пробормотала: «Извините» и попыталась сбежать по ступеням вниз, но я окликнула ее по имени. Женщина повернулась и удивленно посмотрела на меня.

– Это мне?

– Да. Вас все-таки уволили?

– Уволили... Подождите, а вы откуда знаете? Вы кто?

– Я вчера была в кабинете Светланы, когда вы зашли к ней, а она вас выставила. Лариса... извините, не знаю вашего отчества...

– Сергеевна.

– Лариса Сергеевна, нам бы надо поговорить. Я – частный сыщик...

Я коротко объяснила ей, чем я занимаюсь.

– Слава богу, хоть кто-то расследует это дело! – сказала женщина, прерывисто вздохнув. – А то следователь, сопляк, кажется, только вчера школу окончил. Что уж он может расследовать?

– Ложкин?

– Не помню я его фамилии, молодой такой, говорит противно, слова растягивает... Одним словом, придурок.

– Ложкин... Лариса Сергеевна, где нам было бы удобно поговорить? Мне просто необходимо задать вам несколько вопросов. Кстати, вы не торопитесь?

– Теперь уже нет... Давайте пройдем вон туда, в скверик, народу там сейчас немного...

Мы сели на лавочку в тени раскидистой липы, Лариса сбросила туфли, поставила на них ноги, пробормотав: «Как жмут, заразы!», вынула из сумочки пачку сигарет. Я покосилась на нее. Ей было лет сорок пять, худощавая, одетая, как и вчера, в бежевый брючный костюм; минимум косметики на усталом лице, чуть тронутым первыми морщинками.

– Надеетесь найти убийцу Никиты? – начала она разговор, щелкнув зажигалкой.

– Найду, – уточнила я.

– Найдите! Хороший был человек, царствие ему небесное. Жалко его! Эта дура теперь все дело развалит...

– Вы о Свете?

– О ком же еще! Ни хрена... извините... Ни фиги не шурупит в бизнесе, а туда же! Не успела прийти, как с порога объявила: называйте, мол, меня просто – Светлана Юрьевна! Видали барыню? Я с Никитой с самого первого дня работала, он таким зазнайкой не был, простой мужик, все его по имени называли и при этом, заметьте, уважали. На людей никогда зря не кричал, справедливый был, честный, слово держал. Обещал премию дать – давал. Обещал кому-то отпуск или отгулы – тоже давал, даже если работать было некому, находил резервы...

– Вы у него кем работали?

– Начинала-то я как бухгалтер, когда у него еще только первая кафешка открылась, на Весенней. Там помещение совсем маленькое было, всего-то три столика умещалось. Этот бизнес Никита у одного алкаша купил, причем практически за бесценок...

– У алкаша? – удивилась я.

– Да. Прежний хозяин спился, у него какое-то несчастье случилось... Короче, допился он до того, что все развалил, кафешка его пришла в упадок, вот он и выставил заведение на продажу, а Никита прочитал объявление в газете – и купил. Поваром он мою маму взял, она так готовит – пальчики оближешь, хотя на кулинара никогда не училась. Это я ее Никите порекомендовала, и он не пожалел, что взял ее, потом еще сто раз «спасибо» мне сказал. Так мы и начинали – втроем: вместе помещение убирали после работы, вместе в налоговую службу бегали, вместе поставщиков искали, связи налаживали. За пару месяцев смогли кафе таким уютным местечком сделать! Аквариум, цветы, занавесочки, как дома, в клеточку, с оборкой... Мы с мамой сами их шили. К нам люди и повалили, тесно стало. Со временем я другое помещение подыскала, побольше, зато к центру поближе. Никита сомневался: осилим ли? Аренда дороговата. Мы с мамой его уговорили: осилим! День и ночь работать будем, раскрутим такое кафе!..

– Раскрутили?

– Еще бы! Правда, больше полугода вкалывали как негры. Пришлось еще людей набрать: столиков-то было уже шесть, и не таких маленьких, как в старом помещении. Зато клиентов – хоть отбавляй! Дело в том, что это кафе находится в одном здании с гостиницей. Она небольшая, там всего-то номеров двадцать – двадцать пять, зато постояльцы к нам и обедать, и ужинать бегали, у нас же очень вкусно и недорого. Для мамы моей в кухню помощницу взяли, опять же, официантку наняли, бармена – мы там барную стойку установили, пришлось даже перепланировку сделать... А как нам это все интересно было, вы представить себе не можете! Я работала как проклятая, и не только как бухгалтер, но и вообще, как помощник директора во всем. Так работала, что даже о своем горе забыла.

– О каком горе?

Лариса грустно посмотрела куда-то вверх, на крону дерева, и протяжно вздохнула.

– Давно, больше десяти лет тому назад, еще перед тем, как я с Никитой работать начала, мои муж и дочка в аварии погибли. Пьяный придурок в них врезался, они с дачи на нашей старенькой «шестерочке» ехали, а он, гад, на самосвале... В лепешку их раздавил... Я тогда с ними на дачу не поехала: я беременна была вторым ребенком, токсикоз меня донимал просто жуткий, я в машине вообще ездить не могла. Осталась дома, ужин приготовила и прилегла. Не заметила, как уснула... А утром меня разбудил звонок из ГАИ: такие-то – ваши родственники? Погибли, говорят, ночью в аварии, приезжайте на опознание... Я тогда и ребеночка потеряла от сильного нервного потрясения. Долго лечилась, депрессия у меня была, жить не хотела...

– Никиту вы откуда знаете?

– Он с моим мужем работал, они не сказать, что друзья, но в одном отделе трудились, в хороших отношениях были. Вы не представляете, какое он участие в похоронах принял! А как меня утешал! Если бы не он... Хороший был человек, отзывчивый, сейчас таких не часто встретишь. Какая же сволочь его?... Своими руками удавила бы...

– Значит, он вам предложил с ним работать?

– Да. Решил свое дело начать, ему бухгалтер требовался, а я тогда в одной фирме как раз бухгалтером и работала, опыт у меня имелся. Приехал Никита ко мне домой, стал уговаривать, хватит, мол, на диване лежать, в потолок пялиться, твоих близких уже не вернуть, жизнь продолжается, иди ко мне работать... Да я не знаю, что бы я делала без этого кафе! Повесилась бы, у меня тогда постоянно такие мысли были. И мама бы моя тоже умерла от горя... А Никита нас вытаскил тогда, в прямом смысле слова, и ее, и меня. Разве такое забывают?! Он мне стал

как родной, как младший брат, в сыновья-то, сами понимаете, он не совсем мне годился. Вот если бы еще чуть помоложе был...

– А Светлана этого не знала?

– Светка? Откуда?! Она о его делах вообще ничего не знала, он ее не посвящал, – деликатно выпуская дым в сторону от меня, невесело усмехнулась Лариса Сергеевна.

– Почему?

– Говорил, нет у нее коммерческой жилки, нет нужной работоспособности, и с людьми она как-то не очень ладит... Она же часто конфликтовала со всеми подряд, он мне сам говорил. А потом, Никита домой приходил отдыхать от работы, зачем же ему в собственной кухне производственное совещание устраивать? Он с нами советовался, со специалистами.

– А почему вы теперь не бухгалтер?

– После того как Никита второе кафе открыл, то, где вы вчера со Светкой встречались, он меня оставил в старом, а сюда взял другого бухгалтера. Поверьте, трудно два предприятия тянуть, документации много... Вот мы, чтобы не путаться...

– А Света, значит, вас уволила. Почему?

– Вы будете смеяться, но она меня ревновала! И не как женщина женщину, я ведь Никиты намного старше, да и не первая я красавица на свете, как видите. А ревновала она меня к работе: ее муж со мной во всем советовался, а не с ней. Дура она, вот что я вам скажу! Редкая дура. Другая радовалась бы, что у ее мужа есть такой помощник и финансовый консультант. Что, разве не так, скажете мне? Я ни одного плохого совета Никите не дала ни разу, мы все деньги с умом вкладывали, даже смогли скопить столько, чтобы второе кафе открыть. Он ведь в кредит тогда взял совсем небольшую сумму. А еще я советовала ему один склад выкупить, разделить его на секции и сдавать их мелким оптовикам в аренду. Это очень выгодно, поверьте! А Светка бесилась оттого, что Никита по всем финансовым вопросам советовался со мной, постоянно звонил мне, я ведь не только бухгалтером в первом кафе была, я же говорю, я – его помощник во всем... Была... Меня тоже все наши уважают, как и Никиту, по имени-отчеству зовут, я это говорю без ложной скромности. Когда Светка сюда заявила и объявила, что теперь она здесь хозяйка, когда начала свои порядки устанавливать, я ей в глаза сказала: не с того ты, подруга, начала! Не в том суть, как тебя подчиненные называют, не тем ты авторитет себе делаешь. Здесь же все хорошо работает, здесь – отлаженный механизм, так не надо его по-своему переделывать, еще неизвестно, во что это выльется. Другой бы человек – умный – обрадовался, что ему совет дают, прислушался бы, а эта дура (иначе не скажешь!) затаила обиду. А теперь меня уволила – под предлогом того, что два бухгалтера – очень накладное дело, она, мол, решила одного оставить, зачем двум зарплату платить? Тогда почему же она уволила именно меня? Ведь у меня опыта больше... Нет, я не очень сильно переживаю, я работу найду, голова у меня на месте, но дело-то пострадает! Как она будет без меня работать?! Я же всю подноготную знаю, а она без меня пропадет, вот увидите.

– Я смотрю, она с вами не особо церемонилась: тыкала, называла вас просто по имени, а вы...

– Да черт с ней, мне по фигу, как она меня называла! Я не такая дура, чтобы на это обижаться. Пусть хоть бы Маруськой меня звала, я бы и внимания не обратила. Дело может пострадать, которое мы с Никитой своими руками построили с самого начала, от регистрации фирмы, от бизнес-плана, который я разработала...

Лариса отвернулась и, как мне показалось, всхлипнула, но через минуту взяла себя в руки и продолжила:

– Мне и коллектив жалко: здесь хорошие люди работают. Мы же с Никитой вместе их набирали, многие по моей рекомендации пришли как грамотные специалисты, а она... Теперь она все, все развалит!..

– Лариса Сергеевна, как вы думаете, кто мог убить Никиту? Кто вообще мог желать ему зла?

Она загасила окурок, поискала глазами урну и, не найдя ее, бросила его под лавочку. Подумала некоторое время и пожала плечами:

– Черт его знает! Наши работники – точно нет, он хорошую зарплату всем платил, никто не жаловался. Многие еще и благодарили его, потому что на прежних местах они получали меньше. Вот разве что конкуренты?..

– А что, были конкуренты?

– Как же без них, родимых! И были, и есть.

– Кто именно?

– В моем кафе, я имею в виду первое, при гостинице, оно на улице Котовского, хозяин гостиницы сделал Никите предложение – выкупить у него кафе.

– Вот как? – заинтересовалась я. – А зачем?

– Как то есть зачем? Чтобы владеть и гостиницей, и кафе. Это же двойная прибыль! Тем более все в одном помещении, даже входы рядом. А кафе уже раскручено, дает хорошие деньги.

– Что же Никита решил?

– Да он что, идиот? Зачем же продавать курицу, несущую золотые яйца? Отказал, естественно.

– И что хозяин гостиницы?..

– Ничего. Через некоторое время (кажется, через год) он сделал Никите повторное предложение, правда, теперь уже в более суровой форме. Но *наш* вновь ему отказал, и тоже в более суровой форме: он не любил людей непонятливых и назойливых.

– Так-так... Это весьма интересно и очень важно. Как зовут хозяина гостиницы, случайно не знаете?

– Почему же? Знаю. Один их разговор происходил при мне, Никита сказал, что у него от меня секретов нет. Лев Эдуардович его зовут, фамилию, правда, не помню.

– Спасибо и на том. Вы сообщили мне весьма ценные сведения!

– Да было бы за что меня благодарить... А вы, Татьяна, значит, этого Льва Эдуардовича подозреваете?

– Я сейчас всех подозреваю.

– И Светку?

– Всех.

Лариса Сергеевна задумалась.

– А что? – тихо сказала она. – Светка тоже могла это сделать, ведь она сейчас – королева! А была кем? Домохозяйкой. Кто о ней слышал, кто ее знал?.. Это, как у вас говорят, мотив.

– Спасибо, я учту. Лариса Сергеевна, вам есть что еще мне рассказать? Может, что-то интересное для моего расследования?

Женщина пожала плечами:

– Боюсь, больше ничего...

– Тогда вот вам моя визитка. Если вдруг вспомните что-то, по вашему мнению, важное – звоните в любое время.

Она взяла визитку и убрала ее в сумочку, а я записала на всякий случай номер ее мобильного. Встала со скамьи.

– Мне пора. Может, вас куда-нибудь подбросить? Я на машине...

Лариса отказалась:

– Нет, спасибо, я, наверное, прогуляюсь по городу, мне надо побыть одной, прийти в себя... Думаю, мою маму на днях тоже уволят: если уж Светка взялась чистить ряды, она не остановится... А вот мама-то работу точно не найдет: ей уже под семьдесят...

Глава 3

Гостиница на улице Котовского. Вот куда я сейчас наострю лыжи.

Я сидела в машине, курила и размышляла. Ох, как хорошо, что я встретила Ларису Сергеевну! Сколько полезной информации она мне сообщила! Нет, Светочку я вычеркивать из списка подозреваемых пока что не намерена: она была и остается «номером первым», но у меня, по счастью, появился и «номер второй». Двое подозреваемых – это уже как-то попрятнее, поинтереснее. А то вдруг выяснится, что вдовушка в самом деле ни при чем (а этого исключать нельзя), кого же мне тогда раскручивать? Нет, надо разрабатывать обе версии параллельно, и посмотрим, кто вылетит из моего черного списка, а кто в нем останется.

Гостиница и кафе располагались в старом трехэтажном здании на тихой уютной улочке. Дом был не так давно отреставрирован, причем старый довоенный стиль сохранили, но пластиковые окна и двери были современными, хотя и, что называется, с претензией на старину. На первом этаже – два крыльца, обложенных камнем, над ними красовались вывески. «Гостиница «УЮТНАЯ» – гласила одна. «Кафе «ПАЛЬЧИКИ ОБЛИЖЕШЬ. Перекуси и отдохни» – призывала клиентов вторая. Я поднялась на крыльцо гостиницы.

В небольшом прохладном холле – в старинном стиле, разумеется, – меня встретила симпатичная девушка с кукольным личиком. Она расплылась в неестественно широкой улыбке, поправила воротничок белоснежной блузки и вежливо поздоровалась.

– Вы хотите снять у нас номер? – осведомилась она.

«Как вы угадали? Какая проницательность!» – чуть было не сказала я. Интересно, для чего еще люди приходят в гостиницу, как чтобы не снять номер? Но я-то была не из их числа.

– Мне нужен Лев Эдуардович, – строго, без всякого вступления выдала я.

Девушка, как я и ожидала, опешила.

– Э-э-э... – протянула она, уставившись на меня кукольными глазами, и похлопала ресницами.

– По очень важному делу, – тихо уточнила я на всякий случай, чтобы помочь администратору соображать быстрее.

– Сейчас, – наконец кивнула красавица и потянулась к телефонному аппарату, стоявшему у нее на столе. – Николай Ибрагимович, – заворковала она в трубку, – тут спрашивают Льва Эдуардовича... Говорят, по очень важному делу... Простите, вы откуда?

Последняя фраза была, разумеется, обращена ко мне.

– Из налоговой, – не моргнув глазом, соврала я.

– Из налоговой, – как попугай, повторила девушка и, выслушав то, что передал ей какой-то Николай Ибрагимович, положила трубку. – Пройдите к директору, вот сюда, по коридору, последняя дверь.

Я поблагодарила куколку и отправилась на поиски нужной двери.

На массивной двери висела табличка «Директор». Я взялась за ручку и отворила дверь. Николай Ибрагимович оказался пожилым грузным мужчиной, сидевшим за огромным столом. На столе имелся компьютер. Он оторвался от монитора и указал мне на одно из кресел, стоявших справа от него вдоль стены.

– Прошу... Чай? Кофе? Минералку?

Я вежливо отказалась от всего предложенного мне списка напитков и небрежно уселась в ближайшее к нему кресло.

– Извините, но мне нужен именно Лев Эдуардович, – заявила я строгим тоном, – и, поверьте, он сам заинтересован в нашей встрече.

– Но если вы из налоговой, то я, как директор, уполномочен... Кхе, кхе... У нас там что, опять какие-то проблемы? Вообще-то Людмила Анатольевна обещала мне все уладить...

Николай Ибрагимович вновь многозначительно кашлянул и потянулся к бутылке минеральной воды, стоявшей на его столе.

– У вас скоро будут большие проблемы, – заверила я толстяка. – И Людмила Анатольевна вам не поможет. Если хотите и дальше продолжать работать тихо-мирно, пригласите сюда Льва Эдуардовича.

Толстяк вытащил из кармана брюк носовой платок и вытер им вспотевшую лысину. Подумав некоторое время, он потянулся к своему мобильному.

– Через час Лев Эдуардович будет здесь, – доложил он мне после короткого разговора, ни слова из которого я не расслышала, так тихо он беседовал с хозяином.

– Вот и хорошо, – кивнула я, вставая, – а я пока что перекушу в ближайшем кафе. Говорят, там неплохая кухня... Напомните мне, какая у вашего шефа машина?

– Черный «мерс», номер – три девятки.

Я успела съесть вкуснейший омлет и порцию блинчиков, выпить прекрасный эспрессо с пирожным и расплатиться с милой вежливой официанткой, когда к крыльцу лихо подрулил черный «мерс». Я подхватила сумку и пошла к двери.

Хозяин гостиницы не торопясь вышел из машины.

– Лев Эдуардович?

Он повернул голову и посмотрел на меня долгим изучающим взглядом. Ему было чуть за сорок. Полноватая фигура говорила о его нелюбви к занятиям спортом, добротный летний костюм – о хорошем достатке, а надменный холодный взгляд карих глаз – о презрении ко всему человечеству.

– Вам чего?

– Я бы хотела с вами поговорить...

– Мне некогда, меня ждут.

– Это я жду вас.

– Чего?!

В его голосе прозвучали презрительные нотки. Он еще раз окинул меня долгим изучающим взглядом, но, должно быть, я не внушила ему доверия, и Лев Эдуардович попытался пройти мимо меня – в свою гостиницу.

– Вам сказали, что к вам пришли из налоговой, ведь так?

Он остановился и сощурился:

– Ты кто такая?

Интересно, а с чего это он мне тыкает? Кажется, я с ним детей не крестила! Хотя ладно, сейчас не время давать уроки хороших манер всяким хамам, дело – прежде всего.

– Лев Эдуардович, по-моему, у вас появилась хорошая возможность наконец-то купить кафе вашего соседа по зданию – Говорова, – не отвечая на его вопрос, выдала я заговорщическим тоном.

– Ты, что ли, новая хозяйка?

Ага, значит, насчет новой хозяйки мы в курсе! Я внимательно следила за его мимикой. Физиономия его не дрогнула. Я глубокомысленно помолчала с минуту и тихо выдала:

– Я могу помочь вам в этом...

– В чем?

– Купить кафе Говорова, причем по дешевке.

И тут его глаза загорелись. Он думал всего лишь пару секунд.

– Пошли ко мне, – бросил он коротко и быстро зашагал к крыльцу гостиницы.

Войдя в кабинет директора, Лев Эдуардович скомандовал Никите Ибрагимовичу:

– Освободи помещение!

Тот, испуганно посмотрев на меня, быстренько встал, вышел в коридор и плотно прикрыл за собой дверь. Мы с хозяином гостиницы остались наедине. Я без приглашения опустилась в одно из кресел, он сел напротив и уставился на меня не мигая.

– Слушаю!

Конкретный товарищ!

– Я думаю, что о смерти вашего соседа по территории вы уже знаете... – тихо начала я.

– В курсе. Что дальше?

– Вдова намерена продать бизнес.

– Это ты, что ли, вдова?

Я опешила. Я что, так плохо выгляжу?!

– Нет, я – ее ближайшая подруга. Так вот, она хочет продать кафе, а вы, насколько мне известно, хотели его приобрести...

– Откуда тебе это известно? – бесцеремонно перебил меня Лев Эдуардович.

– Бухгалтерша сказала. Кажется, вы один раз при ней говорили с Никитой?

– Ну, было дело... И что, говоришь, его вдова хочет продать бизнес?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.